

ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕЗАУРУС АННЫ АХМАТОВОЙ: КОРОЛЕВА ГЕРТРУДА

Галина Михайлова

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

В статье используется категория тезауруса – «общего образа той части мировой культуры»¹, которую освоила Анна Ахматова в иерархической структуре сегмента мировой культуры, освоенного и периодически используемого Ахматовой в собственном творчестве, шекспировские темы, сюжеты и образы занимают почетное место. В частности, в представлении Ахматовой, трагедия «Гамлет» – одно из безупречных произведений мировой культуры, обращение к которому было целенаправленным и плодотворным, начиная с раннего стихотворного цикла «Читая *Гамлета*» и заканчивая зрелыми «Полночными стихами»². В предлагаемой статье объектом исследования является стихотворная запись Ахматовой, в которой именные аллюзии отсылают к тексту трагедии «Гамлет» и к историко-поли-

тическому, а также культурному европейскому контексту:

*Путь мой предсказан одною из карт,
Тою, которой не буду...*

*Из королев на Марию Стюарт
(Гамлетову Гертруду)*³.

Прежде всего объясним закономерность упоминания имени Марии Стюарт в связи с королевой Гертрудой. В своих «шекспировских штудиях» Ахматова следовала закрепившейся в шекспироведении мысли о том, что драматург, переступивший к моменту казни Марии Стюарт (1587) порог своего 20-летия, был в курсе политических страстей, кипевших вокруг английского престола и в Шотландском королевском доме. Т.е. за сюжетом «Гамлета» (как и «Макбета») Ахматова (равно как и шекспироведы) видела конкретную историческую аллюзию, связанную с личностью Марии Стюарт, связавшей себя узами брака с одним из убийц ее мужа, графом Босуэллом.

Помимо знакомства с пьесами Ф. Шиллера⁴ и, возможно, Ю. Словацкого (обе

¹ Вал.А. Луков, Вл.А. Луков, «Тезаурусный подход в гуманитарных науках», *Знание. Понимание. Умение*, Москва, 2004, №1, с. 94.

² См. об этом: Г.П. Михайлова, «Шекспировский тезаурус Анны Ахматовой: “Читая *Гамлета*”», *Русистика и компаративистика*. Сб. науч. ст., Вильнюс: VPU leidykla, 2009. Вып. IV, с. 61-78; idem, «Шекспировский тезаурус Анны Ахматовой: “Полночные стихи”», *Русистика и компаративистика*. Сб. науч. ст. в 2-х кн., Москва: МГПУ, 2012. Вып. VII. Кн. 2, с. 92-104.

³ *Записные книжки Анны Ахматовой* (1958–1966). Сост. и подготовка текста К.Н. Суворовой, Москва–Torino: Giulio Einaudi editore, 1996, с. 235.

⁴ Об этом говорит ахматовская реплика (опирающаяся на текстовые подробности трагедии Ф. Шиллера) в связи с приглашением на премьеру

были переведены Б.Л. Пастернаком), Ахматова могла почерпнуть сведения о судьбе Марии Стюарт и об отголосках связанных с нею событий в текстах Шекспира из «Истории Марии Стюарт» французского историка Ф.-О.-М. Минье (1851, пер. на рус. 1863)⁵ и/или из книг весьма популярных в России авторов – австрийского писателя Стефана Цвейга и датского литературоведа Георга Брандеса. В трудах широко известного в первые десятилетия XX в. Г. Брандеса⁶ содержатся красочные описания эмоционального воздействия истории несчастной королевы на молодые творческие умы елизаветинской эпохи.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что в стихотворной записи Ахматовой от 1 июля 1962 г. имена королевы Шотландии и правительницы шекспировского Датского королевства соположены. Учтем тот факт, что в это

же время режиссер Г.М. Козинцев предлагал Ахматовой принять участие в работе над сценарием «Гамлета»: сделать новые – возможно, прозаические – переводы некоторых монологов трагедии. «Вы понимаете, как это заманчиво и интересно!» – говорила Ахматова в интервью для агентства печати «Новости» в феврале 1962 г.⁷

Лирический сюжет стихотворного наброска образует расклад, допустим, карт Таро⁸, когда одна из четырех придворных карт (карта королевы), харак-

⁷ Цит. по: Р. Тименчик, *Указ. соч.*, с. 160. Тименчик приводит также сведения о том, что названная внучка Ахматовой, Анна Каминская, пробовалась на роль Офелии в российской экранизации «Гамлета» (*Указ. соч.*, с. 601). Добавим, что Козинцев начал работу над литературным сценарием фильма «Гамлет» в 1957 г., к съемкам фильма приступил 21 декабря 1962 г. Фильм был принят Художественным советом и дирекцией «Ленфильма» только 30 марта 1964 года. – См.: Г.М. Козинцев, *Собрание соч. в 5-ти т.*, Ленинград: Искусство, 1982, т. 1, с. 535.

⁸ О связи архитектоники и смысла драмы «Энума Элиш» с Большими Арканами Таро писала Марина Серова. – См.: М.В. Серова, «*Сожженная драма*» Анны Ахматовой, или история одного безумия. *История сожжения. Поэтика «сожженного» текста. Драма автора*, <http://www.akhmatova.org/articles/serova4.htm> [16-01-2008]. В нашем случае смысловая и формальная неопределенность (недоговоренность) дневниковой записи не дает оснований погрузиться в каббалистику. Однако заметим, что Старшие Арканы Таро олицетворяют этапы жизненного пути человека, и среди фигурных карт Таро, сопровождающих вербальные понятия, есть Таро, иллюстрирующие Шекспира.

М. Кралин, в свою очередь, также отсылает анализируемое четверостишие к «картежному» образу – к старухе-графине из «Пиковой дамы» Пушкина. – Анна Ахматова, *Сочинения в 2-х т.*, Москва: изд-во «Правда», 1990. Т. 1, с. 334. Укажем также, что сама Ахматова не избегала карточных гаданий: «Мне в последний раз цыганка предсказала, что Владимир Георгиевич <Гаршин. – Г.М.> будет любить меня до самой смерти». – Л.К. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой: В 3-х т.* [5-е изд., испр. и доп.], Москва: Согласие, 1997. Т. 1: 1938–1941, с. 344.

«Марии Стюарт» (в пер. Б. Пастернака) во МХАТе (1957). – См.: Н. Роскина, ««Как будто прощаюсь снова...»», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, Москва: Советский писатель, 1991, с. 530. См. также: Е.К. Гальперина-Осьмеркина, «Встречи с Ахматовой», *Там же*, с. 243.

⁵ О том, что Ахматовой была хорошо известна эта книга, пишет В. Рецпер. – Владимир Рецпер, ««Это для тебя на всю жизнь...» (А. Ахматова и «Шекспировский вопрос»)», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 652.

⁶ См.: Г. Брандес, *Виллиам Шекспир. Историко-литературная монография*. Пер. с немец. М. А. Энгельгардта, С.-Петербург: Изд. Пантелеева, 1897; *idem, Шекспир, его жизнь и произведения*. Пер. В. М. Спасской и В. М. Фриче. Под ред. и с пред. и примеч. Н.И. Стороженко, т. 1-2. Москва: Изд. Солдатенкова, 1899-1901. В начале века на рус. яз. было издано и собрание сочинений Брандеса. Известна также работа Л. Шестова «Шекспир и его критик Брандес» (1898). О знакомстве Ахматовой с трудами Брандеса, во всяком случае с его Предисловием к «Запискам революционера» П.А. Кропоткина, упоминает Р.Д. Тименчик. – Р. Тименчик, *Анна Ахматова в 1960-е годы*, Москва; Toronto: Водолей Publishers; The University of Toronto, 2005, с. 423.

теризующая людей или их влияние на события, предсказывает лирическому субъекту участь королевы Гертруды и ее прототипа – Марии Стюарт. Ахматова *отказывается* проецировать свою судьбу на эти классические литературно-исторические судьбы. Хотя основу того ролевого архетипа, с которым Ахматова была согласна себя идентифицировать, составляют особы королевской крови – Дидона, Федра, Саломея, Мелхола, Клеопатра, Бурбоны, король Лир и т.п. Это – общеизвестная стратегия ахматовской авторской мифологизации *Я* как в ее поэзии⁹, так и во внепоэтической сфере. Стратегия, активно поддержанная (или инспирированная?) современниками Ахматовой, начиная с Марины Цветаевой (стихотворение «Златоустой Анне – всяя Руси», 1916) и Осипа Мандельштама (Федра–Рашель–Ахматова в стихотворении «Ахматова», 1914) и заканчивая многочисленными ассоциациями, которые вызывал ее облик у друзей и знакомых. К примеру:

«11 марта 40. Сегодня Анна Андреевна позвонила днем – не могу ли я прийти. Я пошла. В том же черном халате, но из-под халата большой белый воротник новой ночной рубашки. Она стала похожа не то на Байрона, не то на Марию Стюарт»¹⁰; «По Комарову ходит Анна Андреевна,

⁹ См.: Т.В. Цивьян, «Кассандра, Дидона, Федра», *Литературное обозрение*, 1989, № 5, с. 29-33; Р. Тименчик, «Храм Премудрости Бога: стихотворение Анны Ахматовой “Широко распахнуты ворота...”», *Slavica Hierosolymitana*, 1981, № 5-6, р. 297-317; Л.Г. Панова, *Из автопортретной галереи Ахматовой: «Клеопатра» (1940)*. Доклад на науч. семинаре «Проблемы поэтического языка», Москва, 19.06.2007, http://www.ruslang.ru/?id=seminar_fateeva_chronicle07 [12-09-2012].

¹⁰ Л. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941*, Москва: Время, 2007, <http://lib.rus.ec/b/320818/read> [23-10-2010]

imperatrix, с развевающимися коронационными сединами и, появляясь на дорожках, превращает Комарово в Царское Село”¹¹; «в ее облике <...> было нечто от странствующей, бесприютной государыни»¹².

Однако в поэтическом наброске из записных книжек очевидна интенция неповиновения «королевской» судьбе как *предопределенности* жизненного пути, точнее – *содержанию* этого предопределения. Подобная смысловая амбивалентность, близкая античной теме гибриса, выражена «не-лексемой» («тою, которой *не буду...*»), в которой «сквозь отрицание проступает утверждение», как верно заметил Ю. Левин в отношении поэтики Мандельштама¹³. «Не-Мария Стюарт» и «не-Гертруда» как отрицание-утверждение возможной самоидентификации с королевами, номинирующими определенный вид судьбы.

Что могло послужить причиной появления четверостишья подобной смысловой двойственности в июле 1962 г.? Отчего Мария Стюарт и Гертруда вызывают отторжение, ведь поля функциональных и оценочных номинаций царственных поэтических двойников Ахматовой (Дидоны, Федры, Саломеи, Мелхолы, Клеопатры) пересекаются с содержательной реальностью, стоящей за именами Марии Стюарт и Гертруды: изменницы, блудницы, оскорбители па-

¹¹ В.Г. Адмони, «Знакомство и дружба», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 334. Адмони цит. письмо литературоведа Н.Я. Берковского, написанное в 1958 г.

¹² *Иосиф Бродский – Соломон Волков. Диалоги*, Москва: Независимая газета, 1992, с. 47.

¹³ Ю.И. Левин, *Избранные труды. Поэтика. Семантика*, Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998, с. 63.

мяти мужа, (муже)убийцы (вольные или невольные), предательницы, заговорщицы, преступающие закон рода или социума? Предположим, что оттого, что только две из особ королевской крови – Мария Стюарт и Гертруда – были ввержены в коллизию «мать и сын», разворачивающуюся в разных направлениях, но сопряженную с проблемами стыда, вины и возмездия. Г. Брандес, в частности, полагал, что драма сына Марии Стюарт, наследника шотландского престола Якова (оставленного матерью во младенчестве, воспитанного ее врагами, взывающего к мести за смерть отца, мятущегося между приверженцами Марии Стюарт и ее противниками), стала исторической подосновой истории Гамлета¹⁴.

Как известно, у Ахматовой были непростые отношения с единственным сыном, Львом Гумилевым. В принципе, она и была одним из тех русских поэтов с «биографическими последствиями», проблема которых обсуждалась ею с Н.Я. Мандельштам¹⁵. Это мучительные для Ахматовой последствия, вызывающие чувство вины и потребность оправдания. Будучи «поэтом отречения»¹⁶ и равняясь на самые высокие образцы¹⁷,

Ахматова выстраивала свою биографию таким образом, что в ней не было места уходу за ребенком и его воспитанию (Лев воспитывался бабушкой, А.И. Гумилевой и няней¹⁸). Она развелась с Н.С. Гумилевым, и сын лишился т.наз. полноценной семьи¹⁹. У нее была богатая, «постгумилевская», сердечная жизнь, что могло восприниматься подросшим сыном как предательство по отношению к памяти трагического погибшего Н.С. Гумилева.

Вряд ли ахматовская горделивая самооценка: «Чужих мужей вернейшая подруга и многих – безутешная вдова»²⁰, доставляла удовольствие рано осиротевшему Лева. Двое из «чужих» и «многих» имели прямое отношение к

кин, подбные сведения несущественны. – См.: П.Н. Лукницкий, «Из дневника и писем», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 154.

¹⁸ Запись П. Лукницкого от 24 марта 1925 г.: «Сверчкова <сводная сестра Н.С. Гумилева – Г.М.> очень огорчила АА, рассказав, что недавно, когда Леву спросили, что он делает, Лева ответил: “Вычисляю, на сколько процентов вспоминает меня мама”... Это значит, что у Левы существует превратное мнение... об отношении к нему АА. А между тем АА совершенно в этом неповинна. Когда Лева родился, бабушка и тетка забирали его к себе на том основании, что “ты, Анечка, молодая, красивая, куда тебе ребенка?”. АА силится протестовать, но это было бесполезным, потому что Николай Степанович был на стороне бабушки и Сверчковой. Потом взяли к себе, в Бежецк, отобрали ребенка. АА сделала все, чтобы этого не случилось... АА: “А теперь получается так, что он спрашивает, думаю ли я о нем... Они не пускают его сюда – сколько я ни просила, звала!.. Всегда предлог находится... Конечно, они столько ему сделали, что теперь настаивать на этом я не могу...”. – П.Н. Лукницкий, *Из дневника и писем*, с. 147.

¹⁹ Ср. у Н.Я. Мандельштам: «Основная ее <Ахматовой – Г.М. > жизненная ошибка – она хотела, чтобы у нее было как у людей, а этого не могло быть». – Н. Мандельштам, *Указ. соч.*, с. 173.

²⁰ Строка из стихотворения «Какая есть. Желая вам другую...», 1942 г. – Анна Ахматова, *Сочинения в 2-х т.* Т. 1, с. 216.

¹⁴ Георг Брандес, *Шекспир. Жизнь и произведения*, Москва: «Алгоритм», 1997 (переизд. книги 1899 г. в пер. В.М. Спасской и В.М. Фриче), <http://lib.ru/SHAKESPEARE/brandes.txt> [23-10-2011]

¹⁵ Н. Мандельштам, *Об Ахматовой*. Изд. 2-е, исправл. Москва: Три квадрата, 2008, с. 121.

¹⁶ «Для Ахматовой характерен поиск подвига, отречения, отказа от земного ради высшей цели». – Н. Мандельштам, *Указ. соч.*, с. 188.

¹⁷ Ср. характерный разговор с Павлом Лукницким о масштабах биографии поэтов. Ахматова подчеркнула, что ей, как и собеседнику, не известны даты женитьбы и рождения детей у Пушкина. Она полагала, что для поэта такого уровня, как Пуш-

структурам той власти, которая погубила его отца: А.С. Лурье был начальником музотдела Наркомпроса, а в декабре 1918 г. в газете «Искусство коммуны» была опубликована доносительская заметка заместителя наркома по делам музеев и памятников Н.Н. Пунина «Попытки реставрации», в которой один из адептов «изнеженно-развратной буржуазной эстетики», Николай Гумилев, изображался воплощением «опасности реакции», которая «может исходить... из среды, близко стоящей к советским кругам, от лиц, пробравшихся в эти круги, по-видимому, с заранее определенной целью»²¹. Н.Н. Пунин в течение последующих 15 лет будет гражданским мужем Ахматовой. В его доме («Фонтанный дом») с осени 1929 г. нашлось место, в коридоре на деревянном сундуке, и юному Льву Гумилеву. Отношения между пасынком и известным своей скупостью гражданским мужем Ахматовой были холодными, не без ссор и стычек. Много позже, в октябре 1955 г., Л.Н. Гумилев писал одной из своих корреспонденток:

«...Ну до чего можно ошибаться в людях?! Иру <Ирина Пунина, дочь Н.Н. Пунина – Г.М.> я знаю, как облупленную; твой портрет неверен ни в одной детали. <...> Я не рассказывал тебе о тех годах, которые я прожил, будучи зависим (материально и квартирно) от ее папаши. Морду набить надо бы прохвосту, а Ирка еще черствее. Она любит маму, как пьявка любит лягушку, к которой она присосалась [,] и заботится об ней только потому, что у мамы много денег. <...> А меня

²¹ Цит. по: М. Кралин, «Ахматова и деятели 14 августа», М. Кралин, *Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках*, Томск: Изд-во «Водолей», 2000, с. 178.

она всегда терпеть не могла, и меняться ей не к чему. Не я “подчеркивал, что она чужая”, а наоборот, меня всегда отшибали к чертовой матери. Ты этого не знала и распространяться на эту тему я не хочу, чтобы не заражать тебя душевным смрадом, идущим от этой фамилии. Поверь мне. Я очень бы хотел, чтобы это было не так, но это так. Самое плохое – это маска благородства и участия, которого нет и от отсутствия которого я очень страдал. Это вызовет лишнюю болтовню со стороны маминых дам, кои будут возмущаться моей “неблагодарностью”»²².

Надо сказать, что вне «пунинского влияния» совместная жизнь Ахматовой и Льва Гумилева (в 1945–1949 гг., до его последнего ареста) была, по утверждению мемуаристов, необычайно дружная²³.

Таков биографический абрис, немаловажный для интерпретации дневникового поэтического наброска. Теперь обратимся к литературно-контекстуральному. Начнем, казалось бы, издали. В 1960-е гг. в круг избранного чтения Ахматовой входит Томас Элиот²⁴. Что влекло Ахматову к Элиоту, с поэтическими текстами которого она, если доверять Вяч. Вс. Иванову²⁵, была знакома, по крайней мере, с 1949 г.?

Особый вес приобретало нобелевское лауреатство Т. С. Элиота (1948): болезненное и пристрастное восприятие Ахматовой всего того, что связано с этой премией, общеизвестно. Сыграла свою роль атмосфера культа, сложившаяся

²² «И зачем нужно было столько лгать?»: Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря: 1950–1956, С.-Петербург: Агат, 2005, с. 120.

²³ См., нпр.: Н. Мандельштам, *Указ. соч.*, с. 132.

²⁴ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 667.

²⁵ Вяч. Вс. Иванов, «Беседы с Анной Ахматовой», *Воспоминания об Анне Ахматовой*, с. 474.

яся вокруг признанного интеллектуала в университетских и творческих кругах Запада, а в 1960-х гг. распространившаяся и в России. Многие также значили энтузиазм собеседника Ахматовой, Иосифа Бродского, увлеченного английскими метафизическими поэтами и их наследником, и воодушевление конфидента Ахматовой, Анатолия Наймана, переводившего Элиота²⁶.

Но, думается, были и глубоко личные причины, спровоцировавшие негласный диалог Ахматовой с Элиотом, и касались они трагедии «Гамлет». В эссе «Гамлет и его проблемы» (“Hamlet and His Problems”, 1919), «Шекспир и стоицизм Сенеки» (“Shakespeare and the Stoicism of Seneca”, 1927) Элиот критиковал хаотическое ренессансное мышление драматурга, отдавая предпочтение упорядоченному мышлению Данте. Вряд ли Ахматова соглашалась с элиотовой оценкой «Гамлета» (с ее точки зрения, вершинном творении Шекспира). Хотя, возможно, она разделяла его представление о современном Гамлете – рефлектирующем и во многом несостоятельном человеке европейской цивилизации начала XX в., персонаже, очевидно, известной ей «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока» (“The Love Song of J. Alfred Prufrock”, 1915).

Но есть нечто в элиотовой интерпретации «Гамлета», что могло задеть Ахматову (если предположить ту или иную степень знакомства Ахматовой с эссе «Гамлет и его проблемы»). Это те суждения Элиота, которые касаются сюжетной линии Гамлета и Гертруды.

²⁶ Записные книжки Анны Ахматовой, с. 695, 708.

Упрекая Шекспира в нейтральности и незначительности характера Гертруды, Элиот писал о трагедии «Гамлет» как о «пьесе воздействия вины матери на сына»: “Shakespeare’s *Hamlet* <...> is a play dealing with the effect of a mother’s guilt upon her son...”²⁷. При этом Гертруда не является воплощением преступности; ее поступки, поведение, речи не соответствуют тем чувствам, которые испытывает по отношению к ней ее сын – она незначительнее его эмоций:

«Гамлет столкнулся с тем, что чувство отвращения (омерзения), которое он испытывает, связано с матерью, но его мать целиком это чувство не воплощает – оно и сильнее, и больше ее. Таким образом, он испытывает чувство, которое не может понять, не может его объективировать, и поэтому оно продолжает отравлять его жизнь и препятствует поступку (действию)»²⁸.

Могла ли Ахматова провести параллель между своими отношениями с сыном, Львом Гумилевым, и чувствами, связывающими Гамлета и Гертруду (в интерпретации Элиота)? Было ли в ощущениях и поведении Льва Гумилева нечто от ситуации наследного шекспировского принца? Соответствовал ли текст ахматовского жизненного и литературного поведения гамлетовской (гумилевской) эмоции? В известной мере, на все три вопроса можно дать положительный ответ.

²⁷ Eliot, T. S. “Hamlet and His Problems”, *Eliot, T.S. The Sacred Wood: Essays on Poetry and Criticism*. London: Methuen, 1921, p. 98.

²⁸ “Hamlet is up against the difficulty that his disgust is occasioned by his mother, but that his mother is not an adequate equivalent for it; his disgust envelops and exceeds her. It is thus a feeling which he cannot understand; he cannot objectify it, and it therefore remains to poison life and obstruct action”. – Ibid, p. 101. Пер. с англ. мой. – Г.М.

Прежде всего, Лев Гумилев, безусловно, нес на себе бремя «наследования» Ник. Гумилеву и Анне Ахматовой (отцу и матери). Даже если бы он хотел забыть о том, кто его родители, окружающие его люди и обстоятельства напомнили бы ему об этом. С этой точки зрения, характерно рассуждение Эммы Герштейн в ее мемуарах:

«Я любила его <Гумилева. – Г.М.> мысль, высказываемую всегда с изящным и своеобразным лаконизмом, унаследованным от матери, его мужественную, как у отца, поэтическую взволнованность, благородство, с каким он *нес свое тяжкое бремя, сравнимое с исторической судьбой преследуемых малолетних претендентов на престол*»²⁹.

Во Льве Гумилеве искали и находили физическое сходство с Н.С. Гумилевым (в юности) и Ахматовой (в зрелые годы).

Многие роковые повороты в жизни младшего Гумилева обуславливались тем, чьим сыном он был. Достаточно привести один пример: после постановления ЦК ВКП (б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» от 14. 08. 1946 г., содержащем резкую критику Анны Ахматовой, он был отчислен из аспирантуры Института востоковедения АН СССР. Совершенно очевидно, что все аресты и «отсидки» Л.Н. Гумилева были проявлениями его социально-политического статуса – заложник за мать и расстрелянного отца. Во всяком случае, именно так это воспринимал и он сам, его окружение и, самое главное, Анна Ахматова. Эмма Герштейн писала:

²⁹ Э. Герштейн, «Лишняя любовь. Сцены из московской жизни», *Новый мир*, 1993, № 12, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/12/gersht.html [20-12-2012]. Курсив мой. – Г.М.

«Выслушивая не один раз тяжкие размышления Анны Андреевны о Леве, я не отдавала себе отчета, а может быть, и не знала, что у нее были реальные возможности уехать из России вскоре после казни Николая Степановича Гумилева. “А что бы было, если б он воспитывался за границей? – часто спрашивала она себя. – Он знал бы несколько языков, <...>, перед ним открылась бы дорога ученого, к которой он был предназначен”. Вот это была единственная возможность спасти Леву. <...> Но отказаться от своего призвания Анна Ахматова не могла. Долг матери столкнулся с долгом Поэта»³⁰.

По трагической наряженности подобная ситуация сравнима разве только с психологическим заложничеством Гумилева – наследника талантов и славы родителей. Над ним, как над Гамлетом, нависала тень отца. В материалах его допросов есть следующее: «Мать неоднократно говорила мне, что если я хочу быть ее сыном до конца, я должен быть прежде всего сыном отца»³¹. Если отбросить политическую интерпретацию показаний арестованного, то реальность высказываемого Ахматовой пожелания могла быть и такой: она, отчасти, перекладывала на сына бремя, которое добровольно несла сама, – бремя памяти о Ник. Гумилеве, блестящем офицере, герое, человеке чести, гениальном поэте³². Оттого, например, стихотворные

³⁰ Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, Москва: «Захаров», 2002, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012]

³¹ *Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР)*. Ред. Е.В. Шукшина, Т.В. Громова; Фонд Генриха Белля. Москва: Рудомино, 1994, с. 72-79, <http://www.akhmatova.org/articles/kalugin.htm> [01-10-2012]

³² «После расстрела Гумилева А.А. проявила себя настоящим другом и товарищем. Она давно покончила всякие личные счета со своим бывшим мужем и отцом Левы, или, во всяком случае, они были преданы забвению. <...>... она вела себя не как

способности Льва Гумилева оценивались по самой высокой (отцовской и материнской) мерке. Вот запись одного из высказываний Ахматовой в дневниках П.Н. Лукницкого: «24.03.1927 О Лева: “Неужели он тоже будет стихи писать?! Какое несчастье! – и неожиданно быстро и будто серьезно добавляет: – У него плохая фантазия!”»³³. Возможно, в той фразе, которая прозвучала в день окончательного разрыва Льва Гумилева с матерью: «Стихи испортили мне жизнь»³⁴, кроются не только обвинение в адрес «литературно неблагонадежной» матери³⁵ и факт чтения вслух им самим

бывшая жена, а как друг поэта, расстрелянного поэта, по самой высокой шкале». – Н. Мандельштам, *Указ. соч.*, с. 177-178.

³³ П.Н. Лукницкий, *Acutiana. Встречи с Анной Ахматовой*, Париж-Москва, YMCA-PRESS – Русский путь, 1997. Том II (1926–1927), http://lib.ru/PROZA/LOUKNITSKIY_P/a2_txt [4-09-2004]

³⁴ «...в 1961 году произошла жестокая ссора. На днях (1994 год) я разговорилась об этом с Эдуардом Григорьевичем Бабаевым... Он вспомнил интересный эпизод, относящийся именно к лету 1961 года. Это было в гостях у Надежды Яковлевны Мандельштам... Бабаев вышел на минутку на кухню покурить. Лев Николаевич Гумилев, с которым Анна Андреевна только что его познакомила, сидел на табуретке и напряженно курил. В это время на кухню зашла жена Бабаева Лариса Глазунова. „А почему вы не идете слушать стихи?“ – спросила она Гумилева. „Стихи испортили мне жизнь“, – ответил он. А из соседней комнаты уже неслось: „Я к розам хочу, в тот единственный сад...“. Когда все разошлись, Бабаев долго шел с Гумилевым-сыном по Ордынке. Лева, начисто лишенный чувства собеседника, сразу начал толковать ему: „Говорят, что я вернулся из лагеря озлобленным, а это не так. У меня нет ни ожесточения, ни озлобления. Напротив, меня здесь все занимает: известное и неизвестное. Говорят, что я переменялся. Немудрено. Согласен, что я многое утратил. Но ведь я многое и приобрел. У меня замыслов на целую библиотеку книг и монографий. Я повидал много Азии и Европы”». – Э. Герштейн, *Мемуары*, С.-Петербург: «ИНАПРЕСС», 1998, с. 165.

³⁵ Эту вину Ахматова признавала, сжигая, например, в день ареста сына (1938) свою драму «Пролог»: «она долго металась по комнате, хватала

политической сатиры Мандельштама и пасквиля собственного сочинения (что стало поводом для арестов Гумилева в 1935 и 1949 гг.), но и признание своего поражения в поэтическом соперничестве с отцом (и с матерью?). В этом случае, к примеру, заявленное Гумилевым право авторства на образ «серебряного века», якобы, подсказанный им матери в процессе ее работы над «Поэмой без героя»: «*На Галерной чернела арка, / В Летнем тонко пела флюгарка, / И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл*», – можно рассматривать не как анекдотическую случайность³⁶, а как некий компенсаторный механизм. Не был ли поэт Лев Гумилев «эфебом» (Х. Блум) поэта Ник. Гумилева, стремившемся превзойти отца, во всяком случае – в глазах матери?

В отношении Л.Н. Гумилева к Анне Ахматовой переплавились, на мой взгляд, претензии на доминирующую позицию в структуре ее личной жизни, ревнивое отношение к ее славе, тщеславное самолюбие талантливое, но недооцененного ученого с судьбой, искореженной по вине социально и творчески «сомнительных» родителей. Приведу выдержки из письма Льва Гумилева Эмме Герштейн от 25 марта 1955 г.:

«...Вы пишете, что не мама виновница моей судьбы. А кто же? Будь я не ее сыном, а сыном простой бабы, я был бы, при всем остальном, процветающим советским профессором, беспартийным специалистом, каких множество. Сама мама великолепно знает мою жизнь и то, что единственным

бумаги – к чорту стихи – всё из-за них! – и швыряла их в горящую печку». – Н. Мандельштам, *Указ. соч.*, с. 132.

³⁶ См.: Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012]

поводом для опалы моей было родство с ней. Я понимаю, что она первое время боялась вздохнуть, но теперь спасать меня, доказывать мою невиновность – это ее обязанность; пренебрежение этой обязанностью – преступление»³⁷.

Только такого рода эмоциональный конгломерат мог инспирировать формулировки в письме востоковеда М.Ф. Хвана от 9 сентября 1955 г. к академику В.В. Струве с просьбой содействовать освобождению Л.Н. Гумилева:

«Все его несчастье в том, что он – сын *двух известных поэтов-неудачников*, и обычно его вспоминают в связи с именами родителей, между тем как он – ученый и по своему блестящему таланту *не нуждается в упоминаниях знаменитостей, чтобы его признали*»³⁸ (Курсив мой. – Г.М.).

А что Ахматова? О ее материнской любви, унижительных хлопотах об освобождении Л. Гумилева, жертвах профессионального поэта, принесенных во имя сына, широко известно. Степень их интенсивности и действенности можно оценивать по-разному³⁹.

³⁷ Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012]. Ср. в воспоминаниях жены Л.Н. Гумилева, Н.В. Гумилевой: «У меня сохранились его письма из лагеря, по ним видно, как безумно он страдал от разлуки. Он ей все время говорил: “Я за тебя на пытках был, ты же ничего не знаешь!”». – Цит. по: С.Б. Лавров, *Лев Гумилев: Судьба и идеи*. 2-е изд., испр. и доп., Москва: «Айрис-пресс», 2008, с. 481.

³⁸ Цит. по: Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012].

³⁹ См. противоположные точки зрения: «Переписка А.А. Ахматовой с Л.Н. Гумилевым. Предисл. А. Панченко: “...Настоящий двадцатый век”». Публ. и подгот. текста Н.В. Гумилевой, А.М. Панченко, *Звезда*, С.-Петербург, 1994, № 4, с. 170-188; Э. Герштейн, *Мемуары*, С.-Петербург: «ИНА-ПРЕСС», 1998; «Л.Н. Гумилев – А.А. Ахматовой. Письма, не дошедшие до адресата». Публ., вступ. ст. и комментарий В.Н. Абросимовой, *Знамя*, Москва,

Самой Ахматовой ее чувства и поступки, связанные, по крайней мере, со спасением сына из заключения, казались исчерпывающими и единственно возможными. Льву Гумилеву же они представлялись недостаточными. Приведу воспоминание Эммы Герштейн:

«Когда, негодуя, он в который раз приводил ей в пример других матерей, она повторила, не выдержав: “Ни одна мать не сделала для своего сына того, что сделала я!”. И получила в ответ катанье по полу, крики и лагерную лексику»⁴⁰.

По свидетельству той же Герштейн, Ахматова, анализируя фатальное изменение личности сына, произошедшее в течение его последнего лагерного срока, пришла к трагическому выводу, отчасти объясняющему ее самооправдывающую деидентификацию с королевой Гертрудой и Марией Стюарт: «Нет! Он таким не был. Это мне его таким сделали»⁴¹. Сравним это с ее дневниковой записью, касающейся стихов освобожденного из мест ссылки Иосифа Бродского:

«...в смысле пути нравственного это то, о чем говорит Достоевский в “Мертвом доме”: ни тени озлобления и высокомерия, бояться которых велит Ф<едор> М<ихайлович>. На этом погиб мой сын. Он стал презирать и ненавидеть людей и сам перестал быть человеком. Да просветит его Господь! Бедный мой Левушка»⁴².

2011, № 6, с. 141-151. См. также, к примеру, записи П.Н. Лукницкого и примечания к ним В.К. Лукницкой. – П.Н. Лукницкий, «Из дневника и писем», с. 147, 160, 176; воспоминания Н.Я. Мандельштам. – Н. Мандельштам, *Указ соч.*, с. 174-175.

⁴⁰ Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012].

⁴¹ Эмма Герштейн, *Лишняя любовь. Сцены из московской жизни*,

⁴² *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 667.

Нельзя сказать, что Л.Н. Гумилев сам не отрефлексировал произошедшие с ним перемены. В письме Э. Герштейн от 3 апреля 1956 г. он писал:

«...опустошенности душевной у меня нет, но есть отсталость от возраста. Здесь время стоит и душа в анабиозе, а тело стареет, и вот в чем дисгармония. Психологический возраст мой отстал от физического лет на 10. Ну что тут хорошего? Это не лучше опустошенности обывателя, хотя и не то. <...> Все личные отношения, которые у меня были, порваны косо Хроноса. Это я чувствую отчетливо. Поэтому я просто не знаю, о чем мечтать. Поэтому я принял следующую установку на будущее: доживать, по силе возможности охраняя свой покой и одиночество. Это не очень весело, но как будто лучшая из возможностей. Во всяком случае советская наука от этого выиграет»⁴³.

Вина за личностные трансформации была возложена на социальное прошлое и настоящее в их связи с матерью. Т.о., реплика Гамлета:

«Матушка, ради бога, / не прикладывайте к душе снадобья самообмана, / *будто во мне говорит не совершенный вами грех, а безумие.* / Это только покроет язву тонкой кожей, / а гнусная порча, подрывая все внутри, / будет незримо распространять заразу». (Курсив мой. – Г.М.)⁴⁴

– вполне может быть вложена в уста Гумилева-сына, в письмах которого красной нитью проходит тема материн-

ской нелюбви к нему⁴⁵ и неисполненного материнского долга⁴⁶.

Лев Гумилев был не только «единственным», «последним и первым», «нашим»⁴⁷ сыном Ахматовой. «Он был – в отсутствие отца – мужчина в семье, – отмечал Иосиф Бродский. – А она, хоть и мать, и поэтесса, и Ахматова, но, тем не менее, – женщина»⁴⁸. И поэтому он как бы может сказать ей все, что ему заблагорассудится»⁴⁹. Сравним у Шекспира в разговоре Гамлета с королевой: «Перестаньте ломать руки, успокойтесь, садитесь и дайте мне выжать всё из вашего сердца»⁵⁰.

⁴⁵ Ср.: «Помню, как редко плачущая Анна Андреевна прослезилась, жестоко уязвленная моим неосторожным рассказом. Речь шла о его стремительном ухаживании за одной из приятельниц Анны Андреевны, которой он жаловался: “Мама не любила папу, и ее нелюбовь перешла на меня”». – Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012].

⁴⁶ Ср.: Из письма Л.Н. Гумилевой Анне Ахматовой от 9 июня 1955 г.: «Ты опять назовешь письмо “не конфуцианским”, но заметь, что Кун-цзы считал <...>, что обязательства родителей и детей обоюдны». – Цит. по: Л.Н. Гумилев – А.А. Ахматовой. *Письма, не дошедшие до адресата*, <http://magazines.russ.ru/znania/2011/6/gu11.html> [26-10-2012]. См. также: «Лев Гумилев – Эмме Герштейн: Письма из лагеря (1954–1956)», *Знамя*, Москва, 1995, № 9, с. 155-178.

⁴⁷ *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 534.

⁴⁸ Ср. из письма Гумилева Э. Герштейн от 8 марта 1955 г.: «У меня возникает иногда подозрение, что мама любит меня по инерции, что она отвыкла (по-женски) от меня, ибо довлеет дневи злоба его». – Цит. по: Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012]. Курсив мой. – Г.М.

⁴⁹ С. Волков, *Диалоги с Иосифом Бродским*, Москва: Независимая газета, 1998, <http://lib.ru/BRODSKI/wolkow.txt>. [06-09-2012].

⁵⁰ “Leave *wringing* of your hands: peace! sit you down, And let me wring your heart”. – Здесь и далее цит. по: Shakespeare, W. *The Complete Works. Compact edition*. Gen.ed.: St.Wells&G.Taylor, Clarendon Press-Oxford University Press, 1988, p. 675.

⁴³ Цит. по: Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012].

⁴⁴ Здесь и далее цит. по: «Вильям Шекспир, Трагедия о Гамлете, принце датском», М.М. Морозов, *Избранные статьи и переводы*, Москва: ГИХЛ, 1954, http://lib.ru/SHAKESPEARE/shks_hamlet9.txt with-big-pictures.html [12-11-2012]

При всей трезвости процитированных выше умозаключений Ахматовой относительно сына, она, думается, была беспомощна и зависима от того «повелевающего и клеймящего взгляда другого»⁵¹, который воплощал Лев Гумилев.

Этот «взгляд» порождает перманентную психологическую ситуацию, аналогичную диалогу Гамлета и Гертруды:

«Вы не уйдете, пока я не поставлю перед вами зеркало, в котором вы увидите самую сокровенную часть вашей души. – Ты повернул мне глаза внутрь души, и я вижу там такие черные, плотно въевшиеся пятна, которые не меняют своего цвета» (Курсив мой. – Г.М.)⁵².

Если говорить об Ахматовой, то «черными пятнами» интериоризированной вины была отмечена не только ее роковая роль матери в судьбе сына, но и ее гендерная самоидентификация: женщина, к которой «приходили» как выразился В.Г. Гаршин, «только через преступление»⁵³, переступая через себя (попытки самоубийства Н.С. Гумилева), страдания жен и детей (Н.Н. Пунин, В.Г. Гаршин). В этом смысле «королевскими зеркалами» Ахматовой были не только иудейская царевна Саломея, но и Мария Стюарт (шекспировская Гертруда).

Только напряженное сознание виновности (или, по З. Фрейду, напряжение

⁵¹ Ж. П. Сартр, «Бодлер». Пер. Г.К. Косикова, Ш. Бодлер, Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники, Москва: Высшая школа, 1993, с. 349.

⁵² “You go not till I set you up a glass / Where you may see the inmost part of you. <...> – Thou turn’st mine eyes into my very soul, / And there I see such black and grained spots / As will not leave their tinct”. – Shakespeare, W. *The Complete Works*, p. 675-676.

⁵³ Л. Чуковская, Записки об Анне Ахматовой: В 3-х тт., Москва: Согласие, 1997, т. 1, с. 344.

между Я и Сверх-Я) могло породить тот ахматовский сон, о котором поведала Н.Я. Мандельштам:

«Я расскажу про то, что А.А. называла “мой сон”: в нем сгустилось время – три десятка лет слились в один комок, и нестерпимая боль за двух людей, к которой примешивалось, вероятно, чувство вины, получила символическое оформление. Коридор пуниной квартиры, где стоит обеденный стол, а в конце за занавеской спит Лева, когда его пускают в этот дом – старшее поколение Пуниных все-таки было почеловечнее, и Леву не всегда выгоняли.<...>. В коридоре “они”, ей предъявляют ордер и спрашивают, где Гумилев. Она знает, что Николай Степанович спрятался у нее в комнате – последняя дверь из коридора налево. Она выводит из-за занавески сонного Леву и толкает его к чекистам: “Вот Гумилев”. Остается неизвестным, которого из двух они ищут: ведь старший уже убит. “Меня мучит, что я отдала им Леву”, – сказала она мне, когда в первый раз рассказывала «мой сон» А что, в сущности, ей оставалось делать? Они ведь могли бы забрать обоих. Выхода не было даже во сне»⁵⁴.

Судя по всему, ахматовский «Реквием» Л.Н. Гумилев считал искуплением материнской вины посредством социального акта, «противопоставляя поступок Поэта не совершённым поступкам матери»⁵⁵ в защиту сына, т.е. личностному поведению.

Но есть и иные оттенки как в интерпретации Гумилевым поэзии Ахматовой, так и в ее собственной поэтической позиции, позволяющие вновь обратиться к «шекспировским» суждениям Элиота, а, следовательно, и к ам-

⁵⁴ Н. Мандельштам, *Указ. соч.*, с. 114–115.

⁵⁵ Л.Н. Гумилев – А.А. Ахматовой. Письма, не дошедшие до адресата, <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/6/gu11.html> [26-10-2012].

бивалентности стихотворного наброска о предначертанном картами пути. В письме Э. Герштейн от 25 марта 1955 г. Гумилев писал: «...для нее моя гибель будет поводом для надгробного стихотворения о том, какая она бедная – сыночка потеряла, и только»⁵⁶. На подобные высказывания Гумилева-младшего обратил внимание И. Бродский: «Это не точная цитата, но смысл слов Гумилева был таков: “Для тебя было бы даже лучше, если бы я умер в лагере”. То есть имелось в виду – “для тебя как для поэта”»⁵⁷.

Представляется, что, несмотря на все бессердечие и «жизненную» неправду подобных суждений Л.Н. Гумилева, доля *эстетической* истины в них есть, и Ахматова могла это осознать, терзаясь виной перед сыном. Как не жестоко это звучит, Лев Гумилев был тем субъектом жизненной действительности, которая стала материалом искусства.

Выражая требования к осмысленности эмоции в художественном тексте, Т. Элиот сформулировал категорию «объективного коррелята»:

«Единственный способ выражения эмоции в художественной форме состоит в том, чтобы найти для нее “объективный коррелят”, – другими словами, ряд предметов, ситуацию или цепь событий, которые станут формулой данного конкретного чувства. Формулой настолько точной, что стоит лишь дать внешние факты, должны вызвать переживание, как оно моментально возникает»⁵⁸.

⁵⁶ Цит. по: Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16-11-2012]

⁵⁷ С. Волков, *Диалоги с Иосифом Бродским*, <http://lib.ru/BRODSKIJ/wolkow.txt> [16-11-2012]

⁵⁸ Т. С. Элиот, *Назначение поэзии. Статьи о литературе*, Киев: AirLand, 1996, с.154. (“The only way

Речь идет о законах/принципах преобразования внутреннего переживания в художественное произведение, о личностной «достоверности» как поэтическом методе. Сравним размышления Бродского о поэме «Реквием»:

«“Реквием” – произведение, постоянно балансирующее на грани безумия, которое привносится не самой катастрофой, не утратой сына, а вот этой нравственной шизофренией, этим расколом – не сознания, но совести. Расколом на страдающего и на пишущего»⁵⁹.

Ахматова – человек (мать) переживала и мучилась за сына, Ахматова – поэт должна была стать «равнодушной», чтобы переплавить эмоции в поэзию: «Рациональность творческого процесса подразумевает и некоторую рациональность эмоций. Если угодно, известную холодность реакций... <...> То есть ты стремишься создать трагический эффект тем или иным образом, той или иной строчкой и невольно как бы грешешь против истины: против собственной боли»⁶⁰. Поэт усугубляет эмоцию до степени ее предметности, смерть эмоции кладет начало ее жизни в искусстве⁶¹.

of expressing emotion in the form of art is by finding an ‘objective correlative’; in other words, a set of objects, a situation, a chain of events which shall be the formula of that particular emotion; such that when the external facts, which must terminate in sensory experience, are given, the emotion is immediately evoked”. – Eliot, T. S. “Hamlet and His Problems”, p. 100).

⁵⁹ С. Волков, *Диалоги с Иосифом Бродским*, <http://lib.ru/BRODSKIJ/wolkow.txt> [16-11-2012]

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См.: А.А. Аствацатуров, «Проблема смерти в поэтической системе Т.С. Элиота», *Фигуры Талантоса: Искусство умирания*. Сб. статей. Под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова, С.-Петербург: Издательство СПбГУ, 1998, с.34-50.

Вот набросок стихотворения Ахматовой, датированный 27 июня 1958 г.:

*...Зачем и кому говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекли мою.
Я всех на земле виноватей,
Кто был и кто будет, кто есть,
И мне в сумасшедшей палате
Валяться – великая честь⁶².*

Сравним с воспоминаниями Э. Герштейн о психологическом состоянии Ахматовой после ареста Л. Гумилева в марте 1938 г.:

«Шофер двинул машину со стоянки, спросил, куда ехать. Она не слышала. <...> Он дважды повторил вопрос, она очнулась: “К Сейфуллиной, конечно”. “Где она живет?” Я не знала. Анна Андреевна что-то бормотала. <...> почти взвизгнула сердито: “Неужели вы не знаете, где живет Сейфуллина?” <...> Наконец я догадалась: в Доме писателей? Она не отвечала. <...> Мы поехали. Всю дорогу она вскрикивала: “Коля... Коля... кровь...”. Я решила, что Анна Андреевна лишилась рассудка. Она

⁶² *Записные книжки Анны Ахматовой*, с. 16. Курсив мой. – Г.М.

была в бреду. <...> Через очень много лет, в спокойной обстановке, Ахматова читала мне и Толе Найману довольно длинное стихотворение. Оно показалось мне знакомым. “Мне кажется, что давно вы мне его уже читали”, – сказала я. “А я его сочиняла, когда мы с вами ехали к Сейфуллиной”, – ответила Анна Андреевна⁶³.

Перед нами стихотворные и прозаические свидетельства сопряженного с моральной виной претворения жизненной эмоции в текст.

Внутренним разладом между бытовым и бытийным, социальным и экзистенциальным, этическим и эстетическим – упразднением и, одновременно, констатированием неприемлемого «двойничества» – утверждён неподвластный рациональному контролю путь лирического субъекта поэзии Ахматовой, потребовавший в случае нашего стихотворного наброска столь пестрого литературно-исторического и, в определенном смысле, психоаналитического комментария.

⁶³ Э.Г. Герштейн, *Мемуары*, <http://lib.rus.ec/b/203079/read> [16 11 2012].

ANOS ACHMATOVOS ŠEKSPYRO TEZAURAS: KARALIENĖ GERTRŪDA

Galina Michailova

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjama viena neužbaigta Anos Achmatovos eilutė, užrašyta 1962 m. Šiam tikslui straipsnio autorė pasitelkia Šekspyro tezauro kategoriją, t.y. tą Anos Achmatovos orientacinio ir mentalinio komplekso dalį, kuri susijusi su W. Shakespeare asmenybe bei kūryba. Ambivalentiški karalienės Gertrūdos ir Marijos Stiuart paveikslai analizuojami poetei įprastu lyrinio subjekto mitologizavimo aspektu. Straipsny-

je pateikiama „Hamleto“, kaip tragedijos apie motinos kalbę, interpretacija. Achmatovos perskaityti T. S. Elioto tekstai (pvz., esė „Hamletas ir jo problemos“) tai netiesiogiai patvirtina. Šis savęs tapatinimo su nurodytais literatūros ir istorijos personažais problemiškas pagrindžiamas pačios Achmatovos „gyvenimo tekstu“ – jos sudėtingais santykiais su sūnumi L. Gumiliovu.

Получено: 2012, октябрь

Принято: 2012, октябрь

Адрес автора:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5, LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: galina.michailova@flf.vu.lt